

Они встретились 23 июля 2000 года в Москве на Ваганьковском кладбище, у могилы Владимира Высоцкого.

К седому ветерану, что-то пишущему в свой блокнот, подошёл тоже уже не молодой, крепко сложенный человек, и, возложив цветы к памятнику, молча встал рядом. Выдержав паузу, подошедший повернулся к ветерану и тихо спросил:

– Любите творчество Володи?

– Да, очень, - ответил тот.

– А что сейчас пишете?

– Да вот, черновой вариант стихотворения, - последовал ответ. –

Хотите послушать?

«За плечами гитара и кони,
Ветер робу дьявольски рвёт!
И – погоня, погоня, погоня.
Но погоня уже не возьмёт.
Он на главную вышел прямую –
Партократам его не достать...
И реву я, реву я, реву я.
Одному мне теперь не восстать!»

для людей. Живёт Сергей Васильевич в простеньком домике, недалеко от Троицкой церкви.

Штрихи его биографии. 31 год проработал Сергей Васильевич в Вологде, в органах соцобеспечения, юрист-консультант. Все эти годы на страницах областной «Профсоюзной газеты» публиковались подборки его стихов. Да и отзывы из редакций центральных журналов

✓ Год литературы

Клятва на верность поэзии

Выслушав ветерана, неизвестный улыбнулся. Глаза излучали задумчивость и доброжелательность. Заговорил первым:

– А знаете, я ведь тоже стихи пишу, хотя по профессии актёр. Встречался с Высоцким и даже играл его на сцене. Олег Потоцкий, - представился он. – А вы кто?

– Сергей Рудаков из Нижегородской области. Есть там район – Вачский и старинное село Казаково. Там и живу. Юрист-пенсионер, окончил МГУ, а стихи пишу с детства, - начал излагать свою биографию Сергей Васильевич...

Долгим получился разговор двух неожиданно встретившихся у могилы Высоцкого мужчин. Факт, что перед ним не кто-нибудь, а актёр и поэт Олег Потоцкий, Сергея Рудакова несказанно удивил – к тому времени Потоцкий был автором нескольких поэтических сборников.

Нюансы актёрского мастерства Олег Потоцкий постигал в МГТУ – Московском городском театральном училище. Прекрасные педагоги учили здесь сценическому мастерству, а однокашники по училищу Сергей Иванов и Володя Цесляк приобщали к стихотворчеству. Впоследствии Олег Потоцкий, писавший пьесы о поэтах, сыграл на сцене роли Сирано де Бержерака, Сергея Есенина, Осипа Мандельштама, Владимира Высоцкого, и это естественным образом привело его к созданию собственного поэтического театра «Поэтоград». Он и его сподвижники читали стихи прямо на улицах: на Арбате, Пушкинской, Маяковской, на Бульваре Есенина.

«А мне нравится,
Что вместо сплетен,
Вместо околоротной,
Обывательской трепухи,
Прямо на улицах
двадцатого столетья
Люди читают
и слушают стихи», -

Такие строчки прочитал он Сергею Рудакову на Ваганьковском кладбище. Потом было много других стихов, рассуждений о жизни и творчестве...

Член Союза писателей России, автор шести поэтических сборников, актёр Олег Иосифович Потоцкий ушёл из жизни 5 февраля 2009 года. В память о нём у нашего земляка остался авторский сборник «Гороскоп сумасшедшего» с дарственной надписью: «Сергею Рудакову от автора на дружбу. 23.07.2000 г.». Рядом – домашний адрес. А устное пожелание, как сказал Сергей Рудаков, было таково: прислать авторские стихи о Сергее Есенине, Владимире Высоцком для чтения в театре поэтов «Поэтоград». Чем-то тронули душу москвича стихи сельского поэта. При расставании поэты произнесли своеобразную клятву на верность поэзии.

В августе этого года ветерану труда Сергею Васильевичу Рудакову из старинного села Казаково исполнилось 79 лет. Но душа его молода, открыта для добра,

обнадеживали. Даже Николай Рубцов (тогда ещё мало кому известный литсотрудник профсоюзной газеты) отмечал, что его стихи образны и поэтичны.

В 1996 году Сергей Васильевич вышел на пенсию и приехал вместе с 90-летней мамой в Казаково. Здесь на родине в родном домике она и умерла. А сын, дождавшись весны, чтобы оттаяло сердце, посадил в огороде всё, что можно, подремонтровал баньку, да и задержался

неожиданно, оставив городскую квартиру подростком сыновьям.

В Ваче его печатают больше 40 лет. «Вачская газета» даже планирует выпустить сборник старейшего самобытного поэта. В текущем году газета опубликовала его повесть «Трижды из плена сбежавший» о герое фронтовике Польшкалове.

– Ну а поэтическую клятву, прозвучавшую в Москве, вспоминаете? – спросил я его однажды.

– Конечно, - с грустинкой в голосе ответил ветеран. – Замечательный человек был Олег Иосифович. Светлая ему память. Жаль, больше встретиться не довелось... Смысл этой клятвы заключается в том, что надо писать больше и пропагандировать слово поэтическое повсюду. Вот я и стараюсь, насколько здоровье позволяет.

Владимир ЛОГИНОВ
Вачский район

Вот некоторые из стихотворений Сергея Рудакова

Реквием старине

Хоть сотни деревень пройди,
но нет! –
светлее избы и ровней деревья.
И мельницу с мечтою улететь
уже не встретишь на краю деревни.
Но я всё помню, думаю о них,
махавших романтично мне крылами.
Нет интересней радостей земных,
чем вдруг поймать их издали глазами,
услышать зов, понять их теплоту
и с каждым взмахом

чувствовать движенье,
фантазии минушей продолженье –
полёт на ветровую высоту.
Духовней и начитанней народ,
красивей, элегантнее одежды.
С сумой не встретишь,
как то было прежде –
пропал, преобразился нищий род.
Но почему щемит так сердце мне,
когда реденько встречаюсь

с милым прошлым –
с избою престарелой,
с псом продрогшим
у двери и старушкой в окне.

Потянет к ней зайти,
авось она
в сознании бывшее восстановит...

Дверь вскрикнула.
О, Боже! Старина
в моих глазах
вопрос тревожный ловит.

– К Вам можно? –
Я не так хотел начать.
– Входи, коли с добром, -
и распрямилась.

А на лице из ста морщин печать
в чуть выданном волненьи
покривилась.

И за собою дверь не заперла.
Вошёл я в избу.
И вернулось детство:
такая ж печь,
лампадка в два крыла.
иконы, фотографии семейства.
А у печи ухваты и клюка,
ряд чугунок, горшков, ведро на лавке.
В глаза из детства хлынула тоска
и всё во мне затмила без остатка.
Я тоже в детстве под лампадкой жил,
в печи ухватом чугуны ворочал

и труд недетский в огород вложил,
и саду настоящее пророчил.
Но детских цар серебряная сласть
умчалась – только пятки засверкали.
Иная нынче мной владеет страсть:
ромашек бы, а расцветают каллы.
В деревню бы, куда-нибудь к ручью,
к полям, лугам,
в лесной уют к кукушке.
А я от скуки в городе ворчу,
и жёстко мне на пуховой подушке.
Но иногда в туманной дали сна
вдруг на горушке, будто изваянье,
проглянет яснокрылое создание –
махнёт приветно мельница красна.

Раздумье о жизни

Средь леса большая поляна.
Прабабка-берёза на ней.
Нередко я утречком рано
сидел под берёзой на пне.
Она своим видом о прошлом
немало поведала мне.
Я с ней расставался тревожно:
увиджу живую иль нет?
Как правнук,
морщины ей гладил.
Был тёплым, распушенным ствол.
И мысли рифмованно ладил,
а после их в песни возвёл.
Грибы на жаркое к обеду
у этой берёзы сбирал.
О прожитой жизни легенду
как будто бы тут сотворял.
Что было, что есть
и что будет –
всё связано чувством одним:
А что я хорошего людям
принёс иль пожаловал им?

Желание

Трудно было с малолетства
Соловьёву Леше.
Был он инвалидом с детства
и несчастным тоже.
Жил в квартире с мамой милой,
а отец их бросил.
Только грянула в могилу
мама как-то в осень.
Рос в детдоме и учился,
плакал очень часто.
Но из Лёши получился

первоклассный мастер.
Телевизоры, другие
радиоконтакты
эти руки золотые
воскрешали где-то.
Без него округа вся
знала ль куда деться?
Но творил он чудеса,
инвалид тот с детства.
Жизнь кружила и плела
вечно свою нитку.
В миг один любовь пришла –
встретил инвалидку.
Поженились и живут,
в зависть всем соседям.
И ребёнок с ними тут,
развесёлый Федя.
Райсобес автомобиль
выделил, коляску.
Был больным,
несчастливым был,
только верил в сказку.
В инвалидском и больном
жизненном ненастье
словно сказку приобрёл –
ощущенье счастья.
Так хочу я, чтобы все
наши инвалиды
жили в счастье и красе
и любить могли бы.

Память

Я вернулся в дом с приятелем,
как на тройке воронных.
Пахнет дверь руками матери,
хоть её уж нет в живых.
А калина красным пламенем
озаряет палисад,
намекая своей памятью –
как любила её мать!
Зори в ягоды рубиновые
красным летом вобрала.
Всё боялась – не срубили бы
её жители села.
Но любясь ярью гроздьев,
веселят они сердца.
И зимою в день морозный
от калины свет мерцал.
Я смотрю – как полыхает
пламя родственное в ней,
и душа её вздыхает
как по матери моей.